

В. Г. Адмони под сакральностью понимает некоторую дистанцию от утилитарного языка. Этот факт объясняется тем, что сакральные (религиозные) тексты, являясь откровением свыше, представляют собой, по терминологии В. А. Кухаренко, *закрытые системы* [6].

По мнению И. В. Рудик, сакральные тексты «завершены, закончены, их элементы не подлежат дальнейшему развитию, изъятию или замене. Это означает, что они не могут быть пересмотрены, ни подвергнуты дальнейшему развитию, а только истолкованы» [13, с. 60]. Тем самым тексты Библии представляют собой самый яркий образец закрытых систем. Действительно, тексты Библии, написанные на профетических языках, являются закрытыми системами, чего нельзя сказать о текстах, написанных народными языками (английским в данном случае). Представленный в работах Е. В. Михайловой анализ факторов, влияющих на создание англоязычных версий Библии, показал, что библейские тексты на английском языке (Ветхий Завет и Новый Завет) настраиваются синхронно со временем и эпохой, чтобы быть понятными современному на тот момент времени адресату [9; 11].

Таким образом, опираясь на существующие определения *дискурса* и принимая во внимание специфику материала нашего исследования, считаем целесообразным трактовать *англоязычный библейский дискурс* как *тексты англоязычных версий Библии, рассматриваемые в совокупности основных параметров (участники, хронология, цель, ценности, стратегии, материал, жанр) и библейского контекста в целом*. Такая дефиниция, по нашему мнению, является подходящей для возможных разнообразных исследований англоязычных библейских текстов в лингвокультурологическом аспекте.

Источники и литература

1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания / РАН Ин-т лингв. исслед. – СПб., 1994. – 153 с.
2. Арупонова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
3. Дискурс іноземної комунікації (колективна монографія). – Львів: Видав. Львівського національного університету ім. Івана Франка, 2001. – 495 с.
4. Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен / Під загальн. ред. Шевченко І. С.: Монографія. – Харків: Константа, 2005. – 356 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – Одесса: Латстар, 2002. – 288 с.
7. Лук'янець В. С. Філософія дискурсу // Вісник НАН України № 10, К., 2000. – С.18-32.
8. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
9. Михайлова Е. В. Лингвокультурологический анализ англоязычных версий Библии в диахронии // Вестн. СевГУ. Филология – Севастополь, 2005. – Вып. 61. – С. 161-168.
10. Михайлова Е. В. Модификации фразеологизмов в англоязычных версиях Библии // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2006. – Вып. 25. – С. 20-25.
11. Михайлова Е. В. Стилистические особенности англоязычных версий Евангелия от Матфея в диахронии // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя: ЗНУ, 2005. – № 2 (22). – С. 75-80.
12. Почепцов Г. Г. Теорія комунікації. – 2-е вид., доп. – К.: Видавничий центр «Київський університет», 1999. – 308 с.
13. Рудик И. В. Англоязычная проповедь как специфический вид речевого акта (фоностилистическое исследование): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 2005. – 207 с.
14. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К.: ЦУП, «Фитосоцицентр», 2002. – 336 с.
15. Barthes R. The Discourse of History (translated by Stephen Bann) Comparative Criticism, 1981. – № 3. – P. 7-20.
16. Brown P., Fraser C. Speech as a Marker of Situation // Social Markers in Speech. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 33-62.
17. Dijk T. A. van. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. – Lnd.: Longmans, 1977. – 261 p.
18. Fishman J. A. The Sociology of Language: An Interdisciplinary Approach to Language in Society // Advances in the Sociology of Language. Vol. 1. The Hague: Mouton, 1976. – P. 217-404.
19. Foucault M. The Archaeology of Knowledge. – London: Routledge, 1972.
20. Hagen M. Does Ukraine Have a History // Slavic Review, 1995. – Vol. 54. No.3. – P. 658-673.
21. Schiffman H.F. Linguistic Culture and Language. – Great Britain: Redwood Books, Trowbridge. Wiltshire. – 1996. – 351 p.
22. Schiffman D. Discourse Markers. Cambridge University Press, 1987. – 364 p.
23. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.
24. Wodak R. Disorders of Discourse. London and New York: Longman, 1996. – 200 p.
25. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
26. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярэва. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
27. Столярова Л. П., Пристайко Т. С., Попко Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов. – К.: Изд-во Гос. академии руководящих кадров культуры и искусств, 2003. – 192 с.

Михайлова Л. И.

ОТМЕСТОИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

Актуальность. Изучение деривационных связей местоимений в русских территориальных диалектах относится к числу недостаточно изученных и вместе с тем актуальных проблем русского диалектного словообразования. В работах по диалектологии, посвященных местоимению, предметом исследования обычно являются фонетические и морфологические различия местоимений в разных говорах или лексические особенности конкретных местоименных слов [1]. Сведения о морфемной структуре слова и о его месте в словообразовательном гнезде даются только в рамках комплексного анализа местоимений. Недостаточная изученность специфики диалектного местоимения и его деривационных связей в русских территориальных диалектах обуславливает необходимость исследования словообразовательного потенциала местоимений в говорах с привлечением необходимых этимологических комментариев. Характеристика диалектных корневых гнезд с местоименными корнями и анализ деривационных отношений в них могут выявить словообразовательные возможности диалектных местоимений в русских территориальных диалектах.

Постановка проблемы. В данной статье исследуются словообразовательные связи местоимений *весь* и *иной* в современных вологодских говорах (по данным «Словаря вологодских говоров» и «Словаря русских народных говоров»).

Местоимение является производящей базой для диалектных слов, относящихся к разным частям речи. От местоименных корней с помощью различных аффиксов могут образовываться существительные, прилагательные

и глаголы, но наибольший интерес представляют местоимения и наречия. Их рассмотрение в качестве производных слов позволяет определить состав диалектных словообразовательных гнезд, на материале которых можно выявить особенности диалектного словообразования, специфику деривационных отношений между производным и производящим словами в отместоименных гнездах, уточнив семантику диалектных слов.

В системе отместоименного словообразования вологодских говоров наряду с морфемными способами образования новых слов можно наблюдать морфолого-синтаксические, в частности, транспозицию, с помощью которой появились первые отместоименные наречия. Процессы отместоименного словообразования будут представлены на примере двух диалектных словообразовательных гнезд. Их вершинами являются общерусские определительные местоимения *весь* и *иной*.

В словообразовательном гнезде с вершиной *весь* представлены словообразовательные связи слов с общерусским корнем *-вс-* (*-вс-*). В литературном языке этот корень имеет три основных значения: 'охватывающий всех, распространяющийся на всех', 'постоянно возрастающий' (изменяющийся признак) и 'признак самой высокой степени' [4, с. 77]. В вологодских говорах сохранилось значение, присущее древнерусскому местоимению *вьсь*, *вься*, *вьсе* 'весь, целый'. В словообразовательном гнезде местоимения *весь* преобладают морфемные способы словообразования: суффиксация на базе производящей основы (*весь* → *вс-як-ий* → *всяковск-ий* → *всяковск-и*) и префиксация на базе производящего слова (*вовсю*). Местоимение *весь* служит базой для формирования различных фразеологических единиц с наречным значением: *во всю голову*, *во весь гуж*, *во весь пласт*, *во весь рот*, *во всем уме*.

От общеупотребительного определительного местоимения *всякий* в вологодских говорах образуется ряд структурных вариантов наречия *всяко* [СРНГ, 5, с. 223] со значением 'всячески, по-всякому': *всяковски* [СВГ, 1, с. 87], *всякомя* [СРНГ, 5, с. 224], *всякоски* [СРНГ, 5, с. 224]. Местоимение *всяковский* [СВГ, 1, с. 87], *всяковатый* [СРНГ, 5: 223] обозначают то же, что и общеупотребительное местоимение *всякий*. Но вариант *всяковатый* образуется с помощью продуктивного прилагательного суффикса *-оват-*, который содержит дополнительную оценочную сему 'переменчивости' и придает диалектному местоимению дополнительный семантический оттенок 'то хороший, то плохой'.

Особенностью диалектного словообразования является образование новых слов по морфолого-синтаксической модели. Например, от формы местоимения *весь* в среднем роде образуется наречие *все* со значением 'до сих пор'. Зафиксированный в вологодских говорах вариант *все-то* [СРНГ, 5, с. 197] образован с помощью суффикса неопределенных местоимений *-то*. Наречие *всет* [СВГ, 1, с. 87], употребление которого является отличительной чертой вологодских говоров, появилось за счет редукции и присоединения к основе слова конечного *-то*.

Аффиксы, характерные только для диалектного словообразования, являются вариантами общерусских морфем. Так, специфическими морфемами диалектного словообразования являются суффиксы *-мя-* (общеупотребительное *-ма-*) в слове *всякомя* [СРНГ, 5, с. 224], *-юля-* (общеупотребительное, *-юду-*) в слове *отовсюля* [СВГ, 5, с. 85] и *-куль-* в слове *отвескуль* [СВГ, 5, с. 85]. Скорее всего, *-куль-* соотносится с наречием *куда* (*откуда, откуда*) [Ф, 2, с. 290].

Трудным для объяснения является диалектное образование *всегда-что* [СРНГ, 5, с. 198]. Производящее наречие *всегда* [СРНГ, 5, с. 197] имеет значение 'во всякое время, постоянно', тогда как новое слово представляет синтаксическое образование со значением 'видно, заметно, что'. Судя по всему, это – сложение наречия *всегда* и подчинительного союза *что*, которое употребляется в безличных предложениях типа *Всегда-что лентяй*, то есть 'Видно, что он лентяй'.

ДКГ с вершиной *-ин-* представляет особый интерес при определении семантики общерусского корня *-ин-*, который имеет индоевропейское происхождение [Ф, 2, с. 134-135]. Древняя сема *единичности* сохранилась, в первую очередь, в существительных, образованных от местоименного прилагательного *иной*. Значение 'один' в древнерусском языке использовалось для перечисления предметов, так как числительные еще не сформировались. Слово *иной* стало употребляться в значении 'другой, следующий за этим'. В вологодских говорах фиксируется значение 'будущий, предстоящий' [СВГ, 2, с. 19], которое связано с древней семой *следования при счете*. *Иной*, то есть тот, который будет после этого. В современном литературном русском языке за прилагательным *иной* закрепилось лексическое значение 'другой, отличающийся от этого'.

Местоимение *иной* со значением 'некоторый, какой-нибудь, какой-то' является производящей базой, в основном, для диалектных наречий образа действия, времени и места. Словообразовательное гнездо местоимения *иной* включает в себя несколько наречий и одно местоимение. Новые слова образуются при помощи суффиксации на базе производящей основы или путем транспозиции.

Общеупотребительное местоимение *иной* имеет в вологодских говорах лексический вариант *инакий* [СВГ, 2, с. 18]. Модификация этого слова сопровождается прибавлением суффикса *-ак-*.

Параллельно происходит образование двух наречий *иное* [СРНГ, 12, с. 204] и *ино* [СРНГ, 12, с. 203], имеющих общее значение 'другим способом, иначе'. Адвербиализация в первом случае является характерным для вологодских говоров способом образования. Наречие *ино* образовано с помощью суффикса *-о-*, что характерно для большинства наречий образа действия в русском литературном языке.

Интересным представляется образование диалектного наречия *иногда* [СРНГ, 12, с. 204], являющееся вариантом общеупотребительного *иногда*. В вологодских говорах, помимо этого значения, оно имеет сему вводного слова 'может быть'. В качестве служебной части речи употребляется и слово *иногда* [СРНГ, 12, с. 203]. Так как морфемы *-олды-* и *-овды-* различаются только фонетически, можно предположить, что за словом *иногда* закрепилось только производное значение 'может быть, возможно, пожалуй'.

Диалектное наречие *инде* [СВГ, 2, с. 18] со значением 'в другом месте, там и тут' образуется с помощью суффикса *-де-*, который отражает архаичность диалекта, сохранившего продуктивность этого суффикса. Способом образования диалектного слова *инде-где* [СВГ, 2, с. 18] является сложение двух наречий. Однако сема

неопределенности соотносит элемент *инде* с префиксом *кое-*. В этом случае слово *инде-где* должно быть образовано от наречия *где* приставочным способом, что характерно для литературного языка. В говорах Вологодской области именно *инде* оказывается производящим словом для наречия *инде-где*. Сложность заключается в появлении дополнительной семы неопределенности.

В составе производных слов данного гнезда встречаются немногочисленные слова со сложными основами: *иноредь* [СРНГ, 12, с. 205]. Возможно, корень *-ред-* выступает в данном примере в сильной позиции, но, скорее всего, является слабым корнем, который не несет лексической нагрузки. Значение слова *иноредь* 'в другой раз, не теперь' близко значению производящего местоимения *иной*.

Выводы. Общерусские местоимения *весь* и *иной* отличаются в вологодских говорах большей продуктивностью. Для диалектного словообразования характерно параллельное образование слов с одними и тем же лексическим значением по разным моделям, как общерусским (*всяковатый* → *всяковато*, *иной* → *инакий*), так и территориально ограниченным (местоимение *все* → наречие *все*, местоимение *иное* → наречие *иное*). Это свидетельствует о живом, широком использовании носителями диалекта разных вариантов слов, имеющих одинаковое значение.

Особенностью диалектного отместоименного словообразования проявляется также в многообразии структурного и семантического варьирования дериватов. Это можно объяснить как спецификой вершин гнезд – слов с реляционным значением, так и широкой вариативностью словообразования устной речи. Выявление семантики диалектных слов помогает определить деривационную связь между словами отместоименного гнезда, хотя встречаются и трудные случаи, имеющие несколько толкований происхождения.

Список сокращений

ДКТ – диалектное корневое гнездо.
СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1-10. – Вологда, 1983-2005.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-35. – М., СПб., 1986-2002.
Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.: Т. 1-4. – М., 1986-1987.

Список литературы

1. Гилова Н. М. Вопросительные, неопределенные и обобщительно-определятельные местоимения в диалектах карельского языка: Дис... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2003. – 148 с.
2. Ефремова Т. В., Кузнецова А. И. Словарь морфем русского языка. – М., 1986. – 1137 с.
3. Морфемика и словообразование русского языка: Учебное пособие / Под ред. Л. Г. Яцкевич. – Вологда: «Русь», 2002. – 283 с.
4. Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт рус. яз. им В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
5. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка.: Т. 1-2. – М., 1985.
6. Шаброва Е. Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания. – Вологда, 2002. – 88 с.

Мозговий В. І.

ПРОБЛЕМИ ФОРМУВАННЯ ТОПОНІМІЧНОЇ НОРМИ (НА ПРИКЛАДІ ОФІЦІЙНОЇ ПЕРЕДАЧІ ГЕОГРАФІЧНИХ НАЗВ КРИМУ ЗАСОБАМИ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ)

Постановка проблеми. Політична ситуація в Україні після проголошення її незалежності вимагає обов'язкової фіксації цього факту на рівні як сучасного, так і давно сформованого топонімічного фонду. Українська держава повинна мати власну інтерпретацію багатонаціональної топонімічної історії. Цей безсумнівний висновок впливає не тільки із конституційного визнання української мови як державної, але й із практичної потреби в уніфікації адміністративних підходів до географічних назв (і взагалі до власних назв) в різних регіонах України.

Вряд чи будь-який неупереджений політик, а тим більше вчений будуть заперечувати необхідність існування двох варіантів географічних назв (узвичаєного російського і нового українського), виходячи з реального статусу двох мов в Україні [9]. Проте спроба застосовувати перекладацьку практику для передачі російських варіантів пропріальної лексики засобами української мови наштовхується на численні соціальні непорозуміння. Невміле поводження державних інституцій з власними назвами найбільше зачіпає «російськомовні» регіони, у першу чергу Крим. Оскільки більшість тутешніх географічних назв пов'язані з російською культурою, на сьогоднішній день приходиться констатувати, що адекватних українських топонімічних норм у сучасній практиці тут не існує.

Аналіз публікацій з даної проблематики. Проблеми норм передачі іншомовних власних назв, які почали підніматися в Росії ще на початку XIX століття [1; 5; 6], і вирішуватися вченими і практиками в наступні часи [2; 3; 4; 7; 11; 12], майже не торкалися україномовних варіантів. Для останніх еталоном була російська форма, яку автоматично переносили на український ґрунт. Як наслідок, в Україні офіційно «співіснують» назви міст *Ніколаєв* і *Миколаїв*, *Нікітовка* і *Микитівка*, *Нікольське*, *Микольське* і *Микільське* тощо.

Серія публікацій автора щодо методики і принципів передачі власних назв українською мовою ставила проблему, але не вирішувала її [8; 10]. Запропонована стаття є спробою застосувати описану методику на практиці.

Мета статті – проаналізувати найвідоміші українські форми кримських топонімів, виявити системні причини помилок і обґрунтувати сучасні норми правопису власних назв.

Виклад матеріалу дослідження. Для аналізу ми вибрали 1022 офіційно затверджені назви населених пунктів Автономної Республіки Крим, переданих українською мовою, станом на 04.05.2007 року. Правильними ми вважали ті, які відповідали статусу і принципам передачі власних назв:

1. **Принципу недоторканної власності**, який не дозволяє перекладати власні назви як звичайні слова і враховує фонетичні чи структурні особливості української мови лише у випадках, коли вони не руйнують адресну або інформативну функцію, наприклад: рос. *Краснопереконск*, *Отрадное*, *Столбовое*, *Малореченское* –